

Об этой книге

Города очаровывают нас: привлекают к себе — путешественником ли, паломником ли; они дают нам представления о гражданстве и цивилизации, политике и принадлежности к обществу; нечто совершенно уникальное, присущее конкретному городу, сочетается здесь с идеей города как такового. Ведь каждый город — это образ Града Божьего.

Поразительный город Иерусалим. Невероятно древний (около 4000 лет) и, в отличие от многих прочих ближневосточных городов, непрерывно населенный на протяжении всего своего существования. Большинство древних городов жители либо просто оставляли, либо же рядом с прежним городищем устраивали новое, более удобное и масштабное. Подобная перестройка, как правило, была обусловлена стратегическими соображениями: такие города выполняли функции пограничных крепостей, портовых узлов или административных центров — словом, само место требовало поселения в силу благоприятных социальных, экономических или политических условий.

Первое иерусалимское поселение образовалось у водораздела на центральном нагорье южного Леванта¹, меж долиной Иордана и средиземноморским побережьем. Расположение было выбрано не слишком удачно: город не оборонял границу и не был портом. Торговые маршруты и сопутствующее хозяйственно-экономическое развитие обходили город стороной. Население его было немногочисленно, особенно в сравнении с городскими центрами в Египте и Месопотамии. Однако же со временем городу удалось

¹ Левант — общее название территорий восточного Средиземноморья, контролируемых многими государствами региона. Как правило, впрочем, подразумеваются лишь Израиль, Сирия, Палестина и Ливан. — *Примеч. пер.*

заработать удивительную репутацию священного места, сама судьба которого виделась свидетельством особого Божьего промысла. Так на пепелище ветхого Иерусалима возник миф, распространившийся по всему свету в форме слова или образа через псалмы, гимны и пророчества, а ныне также посредством медиа- и интернет-ресурсов.

Начиная уже с самой Библии, об Иерусалиме было написано множество книг. Как знать, может, и не следовало бы больше писать о Святом Граде. Будь на то воля великого учителя церкви и переводчика Писания блаженного Иеронима, жившего в четвертом столетии, о земном Иерусалиме не было бы впредь написано ни строчки и вообще не уделялось бы особого внимания; ибо не следует думать, что в каком-то месте станешь ближе к Богу, нежели в любом ином. Вообще же, подобно своим великим предшественникам, — библейским пророкам, громогласно порицавшим Иерусалим, — Иероним считал город отнюдь не святым, но нечестивым и мрачным, утратившим святость и свет истины. В свете этой древней критики святость Иерусалима оказывается вопросом весьма спорным.

Изучение истории Иерусалима требует от нас также осмысления иудаизма, христианства и ислама как прямо связанных с нашим предметом феноменов — как религиозного семейства, члены которого делят между собой доставшееся иерусалимское наследство. Формирование иудейской, христианской и мусульманской идентичности было неразрывно связано с тем, что светские гуманисты именуют «религиозным насилием» — насилием, пульсирующим между мученичеством и геноцидом². В Иерусалиме «Царство Божье на земле» предстает в парадоксальной форме олицетворяющих отсутствие скалистых кряжей и пещер, осененных чудеснейшими святынями, знаменующими и предвосхищающими божественное присутствие. Каков же тот город, что свят для бога, который вместе — присутствует и отсутствует, одновременно сокрыт и откровенен? Каковы тогда и религии, сражающиеся за право представлять этого отсутствующего бога?

² См. [Juergensmeyer 2000; Sloterdijk 2009].

В Святом Граде всегда присутствовал соблазн решить дело окончательно и бесповоротно. Древние евреи оставили миру беспримерное наследие, огласив тоску человеческую по божественному присутствию на Своем месте в простых, народных стихах во славу Сиона и Бога, на нем явленного, дарующего надежду и веру миллионам людей во всем мире³. Однако привязанность евреев к этому месту навсегда соединена и насилем — ими испытанным и ими же причиненным: предписанными Второзаконием⁴ завоеваниями и истреблениями народов и стенаниями по разрушенному Иерусалиму с главнейшим его символом — храмом Соломоновым. За последние 1700 лет христиане и мусульмане создали множество прекрасных произведений искусства, великолепную архитектуру и цивилизации с глубочайшей культурной традицией; однако их стремление к обязательному имперскому устройству, особенно в случае неудачной попытки такового, также порождало множество внутри- и межконфессиональных обвинений, взаимную рознь и презрение, периодически перерастающие в фазу открытого насилия. То есть история Иерусалима — это история санкционированных Богом завоеваний и правлений, сменявшихся утратами и поражениями, а следовательно — и стремлением все вернуть и исправить.

Может статься, что и с современной точки зрения было бы лучше не писать больше об Иерусалиме. В принципе, и самого религиозного конфликта, то и дело вспыхивающего вокруг иерусалимских священных мест, можно было бы избежать, если бы все просто выключили камеры. Пожалуй, отключи мы все гаджеты, игнорируй новостные ленты и прочие медиа, израильтяне с палестинцами могли бы немного расслабиться, позволив городу вздохнуть чуть более полной грудью⁵.

³ Подробнее о культурологическом аспекте распространения христианства см. [Brown 2013].

⁴ Втор. 7: 22–24; 9: 1–4 и проч. — *Примеч. пер.*

⁵ Как выразился Мерон Бенвенисти, «чем меньше мы обсуждаем Иерусалим, тем выше шансы, что “решение” найдется» [Misselwitz, Rienets 2006: 43].

Быть может, лучше бы вообще не было никаких «святых мест»... Но, как говорят фольклористы и этнографы, религиозные капища — ровесник самой человеческой цивилизации⁶. Люди всегда узревали невидимые силы, поклонялись им, изображали их в различных формах и зывали ко множеству их имен «на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом» — как осуждающе сказано в Библии об израильтянах. Но ведь то, что иудеи, христиане и мусульмане клеймят «язычеством», являлось тогда общепринятой нормой. Не выделялась из общего ряда и древнеизраильская религия: согласно археологическим данным, бог древних израильтян Яхве⁷ не всегда пребывал в гордом одиночестве, но имел некогда женского божественного спутника. Изначальным же иерусалимским божеством, в честь которого город и получил свое название, был Шалем — бог вечерней звезды и брат-близнец Шахара, бога звезды утренней⁸. То были времена, когда и сам бог не был монотеистом. «Карьера» Иерусалима в качестве священного города *par excellence* началась с того, что иудейский царь решил запретить поклонение вообще всем богам, кроме чтимого испокон века праотцами Яхве, а последнему дозволил служить лишь в святилище в царской столице. Отсюда и возникает представление о Яхве как бже весьма «ревнивом», требующем для себя исключительного почитания. Для того чтобы, как предписывалось, «явиться пред лице Господа, Бога Твоего»⁹, всем израильским мужчинам требовалось отныне отправляться в Иерусалим. Почитание Яхве сугубо в Иерусалиме означало в те времена, что все паломники будут нести или слать

⁶ О древности подобных религиозных обрядов см. [Frankfurter 1998; Christian 1981; Margry 2008].

⁷ Др.-евр. יהוה. Здесь и далее мы будем держаться наиболее подкрепленной традиции чтения четырехбуквенного имени — тетраграмматона. — *Примеч. пер.*

⁸ Др.-евр. ירושלם — дословно «построенный Шалемом». Существуют различные варианты прочтения, однако же корневая морфема С / Ш-Л-М остается неизменной. Примечательно, что этот трехбуквенный корень встречается во многих семитских языках (ср. «шалом», «ассаламу» и проч.), передавая значения мира, цельности и безопасности. — *Прим. пер.*

⁹ Втор. 16: 16. — *Примеч. пер.*

свои дары в одно-единственное святилище; тем самым повышались и налоговые сборы в казну, и в целом укреплялась роль царской столицы в качестве государственного центра. Таким образом, город превращался в своего рода древнеизраильский «Рим», где *omnes viae hierosolymam ducunt* — все дороги ведут в Иерусалим. Впоследствии, когда город все же был разрушен, произошло кое-что еще, наделившее Иерусалим и бога, в нем обитавшего, еще большим влиянием и значимостью: израильские пророки, законники и книжники начали понимать бога Израиля как нечто иное этому миру, изобретая идею единого бога, всесильного творца вселенной, — словом, того самого Всемогущего Бога, который и по сей день питает веру плененных им иудеев, христиан и мусульман. То был прорыв, кульминация того, что философ и психолог Карл Ясперс метко назвал «осевым временем»¹⁰, последствия которого мы можем наблюдать и поныне, поскольку именно они — хорошо ли, плохо ли — формируют наши представления о том, что такое «быть человеком»¹¹. Библейский монотеизм рождал важные социальные, политические и исторические последствия: ведь если Бог — иной, то и народ, им избранный, также должен быть иным — жить и действовать совершенно иначе, всячески отделяясь от прочих одеждой, поведением или тем и другим. Далее у нас еще будет возможность подробнее рассмотреть сепаратистские, сектантские и утопически-апокалиптические последствия монотеизма. Бог — с прописной «Б» — дает возможность пострадать, даже умереть за себя, приняв мученичество, за него можно пойти убивать, коли так ему будет угодно (*deus lo vult*, как говаривали на своей средневековой латыни франки-крестоносцы, «по самые стремяна» утопая в крови врагов и своей собственной)¹². В сравнении с этим Богом, с теми

¹⁰ Нем. *Achsenzeit*. По сути, переход от мифологической картины мира к более рационалистической. — *Примеч. пер.*

¹¹ См. [Bellah, Joas 2012; Zank 2012].

¹² См. «Деяния франков и других пилигримов, шедших в Иерусалим» (*De Gestis Francorum et aliorum Hierosolimitanorum*). См. также [Krey 1958: 256–257]. О риторике крестоносцев в арабских источниках см. [Littmann 1904: 195].

силами, что он высвободил в душах своих последователей, в мире, где отовсюду трубят о священной войне, — рядом со всем этим прежние крестьянские верования с идолами и капищами оказываются совершенно невинными. Ведь если б не цари, запрещавшие языческие капища, если б не Илия, гневно обрушившийся на жрецов Ваала на горе Кармил, если б не пророки, возвещавшие, что нет иного бога, кроме Бога, — ведь тогда, может статься, никто бы и не писал сегодня книжек об Иерусалиме.

Но прежде чем вы отложите книгу в сторону, окончательно решив, что автор — «какой-то циник», позвольте мне тут же оговориться, что религия, на мой взгляд, вполне может быть и доброй силой. Ведь даже сам Зигмунд Фрейд — наиглавнейший критик религии и еврейский крестный психоанализа — полагал, что религии могут быть необходимы человечеству, чтобы его представители вели себя цивилизованно, пусть он сам и называл иудейскую и христианскую религии «иллюзиями», нацеленными на подавление насильственных и либидозных влечений, с незапамятных времен свойственных поведению приматов [Фрейд 1992]. Как наглядно показывает история Иерусалима, многие великие императоры и халифы, провозглашавшие себя представителями Бога на земле, не только оказывали Иерусалиму благодеяния в материальном отношении, но и на протяжении длительного времени успешно поддерживали в городе закон и порядок. Некоторые правители, особенно мусульманские, были настоящими мастерами дипломатии, искусно улаживая этноконфессиональные конфликты, то и дело возникавшие в позднеантичном и средневековом Аль-Кудсе¹³ и его предместьях. Конечно, история Иерусалима состояла не только из кровопролитий и войн. Ведь и сегодня есть множество замечательных людей — евреев, христиан, мусульман, — считающих Иерусалим домом, ничего не желающих более, чем мира, и делающих все возможное для поддержания взаимного уважения и спокойствия. Эти люди — часть глобального отхода от нарратива эксклюзивности в пользу

¹³ Название Иерусалима на арабском; дословно — «святой». — *Примеч. пер.*

экуменизма, диалога и примирения народов и исповеданий. Так, в Израиле есть отважные «Раввины за права человека», защищающие арабских крестьян и их земли от агрессивных посягательств ультранационалистически-религиозных израильских поселенцев¹⁴. Также с 1959 года функционирует Израильская межрелигиозная ассоциация, нацеленная на организацию общего диалога между представителями христианского, мусульманского и иудейского духовенства¹⁵. А недавно в Иерусалимском музыкальном центре открылась временная общая молельня для последователей трех авраамических религий, чем подчеркивалось, что религия необязательно разделяет людей, но может и способствовать их сплоченности¹⁶. Словом, религия — штука непростая. Социально-политические функции религии, равно как и религиозное поведение людей и общин, со временем видоизменяются: скажем, христианские миссионерские институты, созданные волей императоров и королей, обратились затем в своего рода центры общественно-полезной деятельности. С другой стороны, закрепленное в Декларации независимости Израиля обещание о равноправном доступе к святым местам представителей всех религий в наши дни используется радикальными ортодоксами в качестве правовой основы для кардинального пересмотра *status quo* этих самых святых мест. Исламское учение о большом и малом *джихаде* активно используется для увлечения неокрепших юнцов идеей мученичества с последующим их завлечением в ряды террористов-смертников. Поэтому умеренный по темпу жизни и климату город Иерусалим кажется многим чересчур перегруженным религией и обилием святых мест¹⁷. Для того же, кто приехал в город пожить, по работе или

¹⁴ *Rabbis for Human Rights*. URL: <https://www.rhr.org.il/eng?lang=en> (дата обращения: 25.06.2025).

¹⁵ *Israel Interfaith Association*. URL: <https://www.iccj.org/about-us/member-organizations/israel-israel-interfaith-association-iiia.html> (дата обращения: 13.08.2025)

¹⁶ См. [Tarnopolsky 2016]. О межрелигиозном диалоге в современном Израиле см. [Kronish 2015].

¹⁷ См., например, [Pullan et al. 2013].

учебе, многоголосая пестрота народов и общин, связанных с Иерусалимом религиозными и иными мотивами, превращает этот мегаполис в удивительное место — каковым он и был на протяжении многих веков¹⁸. Красота и святость города поражает иных приезжих столь сильно, что у них начинаются видения, а порой даже и настоящие помрачения рассудка — это явление получило название «иерусалимского синдрома». Сами же иерусалимцы живут по-разному — вполне обычно и совсем необычайно, а весь город мужественно разбирается со сложными социальными, экономическими и политическими проблемами, рождаемыми самой натурой Иерусалима.

Эта книга — моя молитва за Иерусалим. Она посвящена всем моим иерусалимским друзьям и товарищам, с которыми мне посчастливилось познакомиться за все эти годы, с которыми мы делили кров и пищу, учились и работали, любили и молились, гуляли пешком и объезжали окрестные взгорья, любовались местными достопримечательностями и видами, пытались прислушаться к порой диаметрально разнившимся мнениям и размышляли о том, как следует рассказать историю этого священного города с его общинами, его совершенно особым очарованием, со всеми сопутствующими проблемами и смыслами.

Несмотря на заявленную в названии «историю», наше повествование все же пойдет не в строго хронологическом порядке: мы начнем с современного Иерусалима и затем в него же вернемся. Во второй части мы рассмотрим троякий процесс становления Иерусалима как священного города, всякий раз обращаясь к новому аспекту его библейского прошлого. Третья часть книги посвящена трансформации Иерусалима из бывшей иудейской святыни, города-храма, канувшего в Лету усилиями римских завоевателей, — в содержащийся из императорской казны христианский «тематический парк», а также дальнейшему существованию города при византийских и мусульманских правителях. Мы также рассмотрим период Латинского королевства Иеруса-

¹⁸ О современном мегаполисе в качестве объекта социологического интереса см. [Kasinitz 1995; Mieg et al. 2011].

лима, представляющийся чрезвычайно важным с точки зрения архитектурного и общего идеологического наследия. Средневековая риторика джихада, столь тревожащая нас сегодня, тогда уравнивалась постоянными культурными обменах между франками-крестоносцами и сарацинскими военачальниками¹⁹. Наконец, в последней части книги мы вновь вернемся к рассказу об Иерусалиме в наше время: мы рассмотрим, как развивалась современная часть города при Османской империи и в период Британского мандата, как город делился и вновь воссоединялся и как разворачивалась борьба — продолжающаяся и поныне — за доступ и суверенное владение святыми местами. Словом, можно сказать, что эта книга рассказывает об идее Иерусалима как священного города — о появлении самой идеи в древней политической теологии, ее рецепции и распространении в риторике возрождения культа и королевского/императорского патронажа, и наконец, ее трансформации в эпоху современных (пусть и опирающихся на Библию) конкурирующих колониальных и национальных проектов.

¹⁹ Перипетии средневекового Иерусалима превосходно задокументированы и описаны в [Boehm, Holcomb 2016] — каталоге и сборнике работ, приуроченных к выставке «Иерусалим в 1000–1400 годах», прошедшей под кураторством авторов в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. Обзор выставки см. в [Zank 2016a].

Благодарности

Я читаю лекции по истории Иерусалима с 1999 года. Курс достался мне «по наследству» от моего ученого коллеги, известного библеиста, специалиста по Самарии Джеймса Пёрвиса. Джим собрал богатую коллекцию изображений и документов с библиографией по теме, что немало помогло мне на первых порах. Также в начале своего лекторского пути я во многом опирался на диссертацию Френсиса Эдварда Петерса и работы Бернарда Вассерштейна и Карен Армстронг¹, к которым впоследствии добавилось также новое издание «Иерусалима в истории» Камилля Асали [Asali 2000]. Несколько семестров спустя мой тогдашний коллега Питер Хокинс познакомил меня с редактором издательства *Blackwell* Ребеккой Харкин, подбросив идею написать краткую историю Иерусалима. Приступая к этому, я совершенно не ожидал, что написание краткой истории потребует времени столько же (если не больше), сколько и работа над длинной.

Настоящая книга опирается на результаты исследований в самых различных областях, затрагивающих тот или иной аспект истории священного города: от древней и новейшей истории Ближнего Востока, Античности, Средневековья и новоевропейского периода до археологии, истории искусства и архитектуры, библеистики, церковной истории, истории христианской догматики, иудаистики и исламоведения, а также римской, персидской, арабской и османской истории и предметных работ по Израилю и Палестине. Подобное чтение не только снабжало меня полезными сведениями, но и заставляло задуматься об общем подходе.

¹ Я рассматриваю работу Карен Армстронг и рассказываю, чему меня научил этот курс, в [Zank 2008].

Поэтому далее я обратился к религиоведению, риторике (в частности, относительно пропаганды и стратегий убеждения), социологии, политологии и урбанистике. Так или иначе, центральное место в моем понимании Иерусалима неизменно занимает формирование образа города и его реалий в результате взаимодействия библейского наследия с обоснованиями притязаний на власть, присутствие и владение.

Краткая история по определению не может быть историей полной и подробной. Так, я довольно мало внимания уделяю храму Соломона, который многие, напротив, считают ключевым для статуса священного города². Выбирая, о чем и как рассказать, я стремился удерживать фокус на городе самом по себе и на том, как он функционирует в политических нарративах о божественно санкционированном правлении. Я стремился предложить свежий взгляд на историю Иерусалима в качестве объекта веры и влечения — города, сотканного из толкований и перетолковываний библейского наследия в свете менявшейся риторики власти и безвластия. Принимая же во внимание обширность временного периода, многообразие представлений об Иерусалиме в различные эпохи, богатство ученой литературы по теме и языковое многоголосие, связанное с ее изучением, я вынужден был допустить известную степень терминологической и стилистической фрагментарности и неоднородности изложения. Также в силу формальной «краткости» нашей истории некоторые события мне приходилось описывать весьма лаконично, опуская многосложные подробности. Библиографический аппарат работы представляет собой исключительно список упоминаемых и цитируемых работ, тщательно мною отобранных и проштудированных; читатель может смело считать это моей рекомендацией для дальнейшего чтения по теме.

Мои родные и друзья с огромным терпением отнеслись к моему писательскому вояжу, занявшему времени больше, чем потребовалось греческим мужам для взятия Трои. Тем временем свет увидело еще несколько превосходных монографий по Иерусали-

² См., например, [Lundquist 2007].

му, среди которых я бы особенно отметил настоящий крик души Джеймса Кэрролла и изящную «биографию» священного города, написанную Саймоном Себагом Монтефиоре [Carroll 2011; Montefiore 2011]. Если читателю интересно, что я почерпнул и что думаю по поводу трудов моих предшественников и современников, я приглашаю его внимательно ознакомиться с примечаниями и ссылками, равно как и с библиографическим указателем печатных изданий и онлайн-ресурсов, упомянутых в книге. От упомянутых выше, как и от множества других авторов, в общем или в частностях писавших об историческом или современном Иерусалиме, я почерпнул неизмеримо больше, нежели мог бы упомянуть (не говоря уж о том, чтобы мало-мальски подробно обсудить) на этих страницах.

Я хотел бы выразить особую благодарность моему хорошему другу Томашу Калмару, а также Нэнси Эванс из Уитонского колледжа, Нахуму Карлинскому из Университета Бен-Гуриона и моим коллегам по Бостонскому университету — Диане Клеппер, Пинине Лахав и Адаму Зелигману — за то, что любезно согласились ознакомиться с различными черновыми версиями рукописи и оставить к ним ценные замечания; за это же я признателен и коллегам из Бостонского университетского центра гуманитарных наук и лично его директорам — Джеймсу Винну и Сьюзан Мизручи, а также членам научно-исследовательского семинара под руководством Сюзанны Хэшель. Благодаря тому что лорд Эндрю Стоун из Блэкхита любезно внес меня в список экспертного круглого стола, проходившего в 2016 году в палате лордов в Лондоне, мне удалось обсудить проблему Иерусалима с представителями инициативы «Земля для всех»³. Я глубоко признателен моим иерусалимским товарищам, поделившимся своими соображениями: Авнеру Харамати, Анат Хоффман, Рами Насралле, Сари Нуссейбех, Оснат Пост, Гилеаду Шеру, Халилю Шикаки, Мустафе Абу Сваю и Наоми Цур. В работе мне весьма помогли мои аспиранты Мано Сакайан,

³ *A Land for All (ALFA)*. Прежнее название организации — «Два государства, одна родина». — *Примеч. пер.*

Эмили Левин и Даниель Либерман, а г-н Саман Абазари взял на себя составление библиографии книги.

Когда бы я ни приехал в Иерусалим, меня всегда радушно принимали у себя мои друзья: Бархум и Нахла Азар, Оффрит и Итцик Кимчи, Михаэль и Даниель Крупп, Нирит и Георг Рёсслер. Я очень признателен работникам Лёвенталевского картографического собрания в Бостонской публичной библиотеке и Публичной библиотеки в Сент-Луисе, любезно предоставившим мне доступ ко всем требовавшимся для работы спецфондам. И конечно, я бы никогда не окончил эту книгу без постоянного обращения к Уайденеровской библиотеке в Гарварде, а также Библиотеке Мугара и Теологического факультета в Бостонском университете.

Эта книга получилась бы совершенно иной без удивительной графики Мириам Шенитцер. Лирическая натура ее линий делает эфемерным архитектурный монументализм Иерусалима, отдавая должное благочестивому присутствию любящих этот священный город.

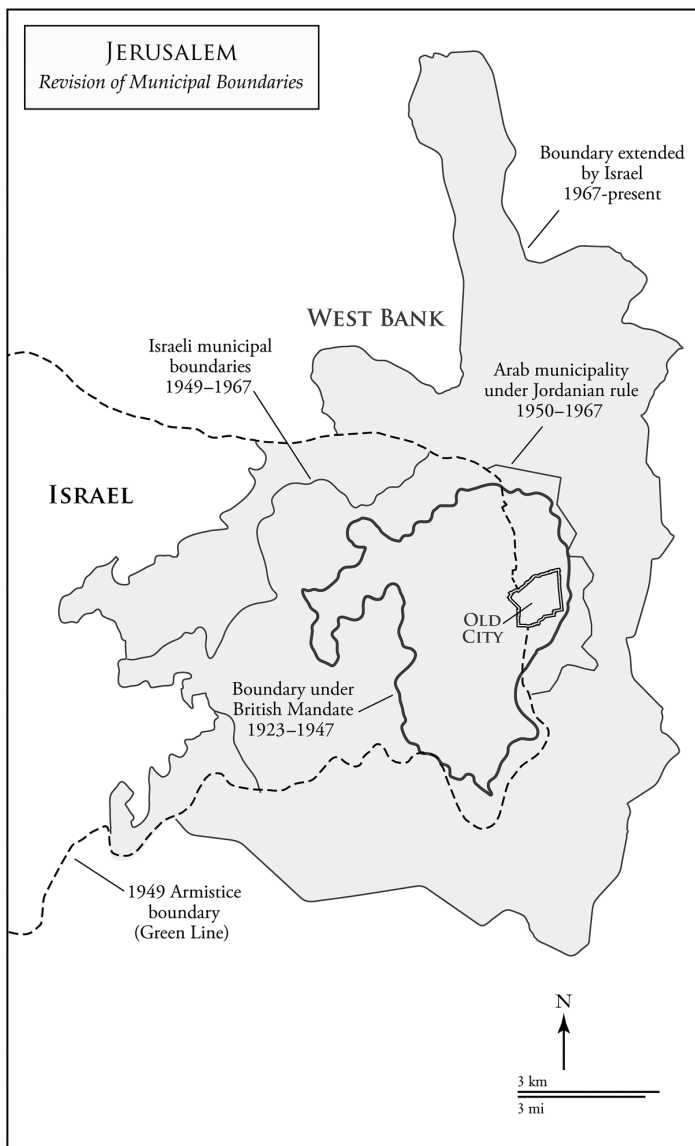
Отдельной благодарности заслуживают Келли Сандефер и Джонатан Уисс из картографического бюро *Beehive Mapping* (Уотертаун, Массачусетс), снабдившие книгу замечательными картами.

Мне бы очень хотелось подарить экземпляр этой книги моим учителям, которых уже нет с нами: это прежде всего епископ Кристер Стендаль, рабби Марвин Фокс и профессор Рольф Рендторфф. Кристер Стендаль пригласил меня на семинар «Иудаизм и христианство» в Хартманновском институте в Иерусалиме, а потом вместе с профессором Фоксом и замечательным Уильямом А. Джонсоном руководил моей научной работой в Брандейском университете, где я занимался Ближним Востоком и иудаикой. Еще до того я учился в Гейдельберге у Рольфа Рендторффа, мастерски соединявшего миры протестантско-ветхозаветной теологической мысли, библеистики и раввинистической традиции. Да будет благословенна память о них.

Карты

Карта № 1. Иерусалим в региональном контексте. Источник: автор и Beehive Mapping

Карта № 2. Изменения муниципальных границ города. Источник: автор и Beehive Mapping

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru